

С. ДУРЫЛИН

Дмитрий Орлов

Все помнят Дмитрия Николаевича Орлова в роли Юсова из «Доходного места» Островского; все помнят, как он, величественно оглядываясь на мелких чиновников, выплясывал, не произнося ни слова, «По улице мостовой». Эта пляска (с собственным комментарием к ней: «Мне можно плясать!») была танцевальным апофеозом торжествующего бесстыдства, ликующего взяточничества, победоносной обывательщины! Страшно и смешно, жарко и холодно было присутствовать при ней...

Казалось, Юсов плясал под хоровой аккомпанемент Молчалиных, Чичиковых, Расплюевых, Фурчачевых, всех «мертвых душ» старой чиновничье-крепостной России; казалось, он вытанцовывает жуткую «лицу мостовую», по которой плетутся к «присутственному месту» крепостные мужики, полуголодные мещане, как у Некрасова к «парадному подвезу».

Удивительный образ вылепился из жеста, походки, плясовой повадки, — образ, где пожимание плечами было выразительнейшей фразой, где поднятие перста было красноречивейшим восклицанием.

И рядом вспоминается другой образ, созданный тем же артистом. Образ русского крепостного мужика. Вот он, измотанный тяжелой барщиной, опутанный солдатчиной; вот он, упрямый и простодушный, убогий и выносливый, бедный знанием и богатый вековой народной мудростью; вот он косный на язык и гениально красноречивый в прибаутках, поговорке, песне, сказке, бытине.

Откуда он? Все равно откуда — из орловского Дырявина или из ярославского Горелова. И как его зовут — все равно, всюду сущий Иван или редкий Митродор.

Откуда бы он ни был и как бы ни завали, он дышит на нас дыханием самой непосредственной жизни, мы видим его и на пашне, с таким же усталым, как он, Сивкой, и на сельской ярмарке, и на

проселочной дороге, и возле того самого «присутственного места», в котором заседает и грабительствует Юсов.

А между тем это неправда. Мы вовсе его не видим: ведь Д. Н. Орлов читает, а не представляет «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова: он стоит на эстраде и без всякой «игры», одним голосом, передает знаменитую поэму.

Д. Н. Орлов — счастливый художник: он не знает конфликта образа пластического с образом речевым, он не знает братоубийственного спора между мастерством слова и искусством движения.

То и другое ему подвластно в одинаковой степени, и он знает, когда нужно дать волю слову и когда предоставить первенство движению для того, чтобы полнее воплотить образ человеческий — этот венец всех чаяний и трудов актера.

Когда Орлов выходит на сцену Тристаном в комедии «Собака на сене» Лопе де Вега, он вот-вот, кажется, опутает нас золотую сеть веселых движений, прыжков, ужимок, плутоватых жестов, искрометных улыбок, опутает нас, к нашему удовольствию, но запутает в них и слугу Тристана, завязав в паутине движущегося веселья правду реального образа.

Но нет, опасения напрасны. С удивлением примечаем мы, что как раз из этих движений, в которые неразрывно вплетается слово, и возникает у Орлова образ действительно реальный и больше того — яркий народный, образ умного слуги с зоркой оглядкой и усмешкой на причуды господ, играющих в любовь.

Об Орлове радостно писать: его лучшие работы — последние по времени, его самые бесспорные победы одержаны в военное время, и потому за примерами его простого и благородного искусства ходить недалеко.

Благодаря Орлову мы повторяем не один раз свою встречу с военфельдшером Глобой из южно-русского города, осажденного немцами, и радуемся этим встречам, как празднику искусства.

В талантливой пьесе К. Симонова «Русские люди» этот фельдшер Глоба, становящийся разведчиком и мужественно погибающий от руки немцев, — только эпизодическая фигура. В спектакле «Русские люди» в театре им. Ленсовета этот же Глоба — его живое сердце, его сердечная мысль.

У Глобы очень немного слов и весьма простые и ясные его поступки. У Орлова же, кажется, что этих слов и поступков так много у Глобы и они так вески, отнечны и мудры, что зритель уходит обогащенный ими, обрадованный, укрепленный в своей жизненной поступи. Глоба — совсем простой человек — и Орлов не боится его простоты: не превращает эту простоту в психологическую сложность, в символическую глубину. И речи Глобы просты: ни малейшей приподнятости, повышенной эмоциональности; и действия его, разумно жизненные, как будто лишены всякой спенечности, — а мы, между тем, захвачены этой простотой без прикрас, мы вовлечены во внутренний мир этого человека, мы слышим биение его сердца, полное любви к родине, мы живем его тревогой, мы теплеем от малейшего его душевного движения.

— Как ты им доложил? — спрашивает начальник гарнизона у Глобы, посланного в штаб армии.

— Как приказано, чтобы выручали, сказал, но что если против плана это идет, то мы выручки не просим, сказал. Ну, и что все-таки жить нам, конечно, хочется — это тоже сказал.

С каким выигрышным для актера подтекстом можно произнести эти слова! Как «тянет» здесь текст на обнажение его героического смысла!

Для Орлова этого соблазна не существует. Его Глоба произносит эти слова ровно, просто, деловито, — и несколько

не боится повредить их героической сущности откровенным, таким естественным признанием: «что все-таки жить нам, конечно, хочется».

Но в том-то и сила правды, что правда бесстрашна: чем проще и естественнее Глоба в своем слове и деле, тем сильнее захватывает нас героический смысл его простой жизни.

Орлов ни разу не подсказывает зрителю, ни словом, ни жестом: это — герой. Но, уходя после встречи с Глобой, ощущаешь самое живое и несомненное дыхание героического.

Это же ощущение выносить из встречи с Орловым совсем в другом образе.

В образе Кутузова.

В пьесе А. Гладкова «Давным-давно» Кутузов меньше, чем эпизод. Театр превратил сцену с Кутузовым в большой эпизод, наделив его новым текстом; Орлов сделал Кутузова «главнокомандующим» в спектакле: он ведет за собою всю армию его участников, он репашет его успех.

В Кутузове у Орлова нет ничего от ремесла копировальщика. Ни в гриме, ни в фигуре, ни в жизненном обиходе, ни в военной выправке, — ничто не «снято» с исторической гравюры, с подлинного документа, с музейного экзопоната. Нет никаких внешних подобий «князю Смоленскому». Но в слове и в жизни, во всем, это — Кутузов, тот Кутузов, каким он живет в памяти и сердце народа.

У русского народа была особая ласка в слове «дедушка». Из всех русских писателей только один удостоился этой ласки: «дедушка Крылов». Из всех полководцев только один был обласкан словом «дедушка» — Кутузов, герой великой народной войны 1812 года.

Этого дедушку Кутузова и показывает нам Орлов. В своем теплом участии к солдату, в своей ласке к простому человеку, в своем метком словце, в своей спокойной мудрости, в своей непоколебимой вере в силу и правду народа Кутузов

у Орлова является истинным вождем народной войны, неразрывно связанным с каждым солдатом и крестьянином, подвизавшимся на Наполеона.

Вот где торжествует Орлов-художник, влюбленный в русскую песню, поговорку, прибаутку, во все раздолье народной речи!

У его Кутузова такая чистота народной речи, что через нее, как через кристаллическую влагу родника, видно все, что есть в глубине этой большой души, у этого опытного ума, занятого великой заботой о спасении родины. Каждое слово у Кутузова — Орлова рождается из полноты чувств, из неспящей заботы мыслей.

Обычно считают, что жест — это пластическое движение тела. Нет, жест — это внутреннее движение воли, чувства, мысли в человеке, обнаруживаемые во-вне. Так это в орловском Кутузове. Не производя никаких «исторических» движений, просто сложив губы в легкую полуулыбку-полуосменку, или как-то лукаво и вместе добродушно моргнув зрячим глазом, Орлов уже выказывает глубочайшее движение воли старого фельдмаршала, высказывает его сердечнейшее чувство, его заветную мысль, — и мы вразумлены, покорены, обогащены этим жестом без жестикуляции, словно Кутузов приблизил нас к себе и открыл нам частичку своей героической заботы о родине.

В роли Кутузова, которую дали Орлову в театре им. Ленсовета, нет ни строки из «Воины и мира», но образ, который создал Орлов, — весь из великой народной эпопеи первой отечественной войны.

Какую бы роль ни давали ему, в какой угодно пьесе, его образ всегда будет из великой эпопеи жизни. Это оттого, что любимый герой в творчестве Орлова — один, «который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».